

Цзян Ехун замер, не в силах отвести взгляд от глаз Жун Жо. Те были чисты и глубоки, точно лесная заводь, способная смирить любой гнев и превратить весенний ветер в ласковый дождь. Он судорожно сглотнул. Глубоко внутри вспыхнул жар, опалая горло сухостью; и лишь этот взгляд, в котором он готов был утонуть, мог унять нежданное пламя.

Жун Жо едва заметно улыбнулся:

— Брат Чу...

Ехун резко отвернулся, чувствуя, как постыдные мысли вновь берут над ним верх. Ему было и стыдно, и горько. Что с ним происходит? Неужели он и впрямь прельстился чужой красотой? Да еще и мужской? Сердце стянуло тугим узлом.

Жун Жо тем временем спокойно поправил ворот халата:

— Брат Чу, что с тобой?

Ехун стиснул зубы. «Брат Чу, брат Чу...» Неужели тот и впрямь видит в нем лишь старшего брата?

— А-Жо, скажи... ты всегда относился ко мне только как к брату? — выдавил он.

Тот посмотрел на него с обезоруживающей простотой:

— А кем же еще мне тебя считать?

Ехун застыл с широко распахнутыми глазами. И верно, кем еще могут быть друг другу двое мужчин, если не братьями? Он едва не рассмеялся от собственной нелепости. Кем же еще — отцом, что ли? Он вымученно улыбнулся и, поспешно развернувшись, чтобы уйти, споткнулся о порог. Он вылетел из комнаты и растянулся на земле, ободрав кожу на лице.

Жун Жо бросился на помощь:

— Брат Чу, ты цел?

— Ничего, ничего, — Ехун коснулся саднящей щеки. — Просто под ноги не смотрел. Я... — Тоска, сжимавшая грудь, едва не сводила его с ума. — Мне пора в ямэнь.

Он выбежал со двора. Ему казалось, что сердце рвет на части когтистыми лапами. Боль была невыносимой. Ехуну вдруг вспомнились слова наставника, Кань Юэфэна: «Когда любишь и не надеешься на взаимность, сердце будто раздирают в клочья».

Он прижал ладонь к груди. Неужели это оно и есть? Неужели он полюбил Жун Жо? Оглядываясь назад, Ехун признал, что ему и раньше нравились красивые юноши, но в суматохе бродячей жизни он не придавал этому значения, считая мимолетным увлечением. Кто же знал, что за этим крылись его истинные чувства.

В ямэне его встретил Чжао Чэнь:

— Глава Чу! Я разузнал всё. В день гибели У Хуэйюнь Го Цзянь действительно выступал с театром теней, а вечером вернулся домой готовить ужин для Го Цзыфана. У него просто не было времени на убийство. И вот еще что: сегодня утром к дому У Юя приходила какая-то девица. Оказалось — его зазноба. Точнее, зазноба Го Цзяня, который прикидывался У Юем. Они тайно встречались, и бедняжка даже не подозревала о подмене.

Ехун слушал вполуха, погруженный в свои думы.

— Вот оно как... Значит, и женская одежда в шкафу У Юя принадлежала ей. Гу Мэнъи созналась, что сожгла Фу Юдао в заброшенном доме неподалеку от его лавки. Вы проверяли то место?

— Да, — кивнул Чжао Чэнь. — Там нашли следы костра. Все неясности в деле устранены. Я велел Го Цзыфану забрать тело сына... Эх, жалко Гу Мэнъи. Семью сжили со свету У Хуэйюнь и Фу Юдао, правды добиться не удалось, вот и помрачилась рассудком.

Ехун всё еще не мог прогнать печаль.

— Остальное уже не в нашей власти. Старые свитки по делу медицинской лавки семьи Гу еще целы?

— Целы-целы, я их первым делом отыскал.

— Тогда собери всех, кто готов свидетельствовать в пользу семьи Гу, и заново запиши их показания. Я передам их господину Лю. Надеюсь, нам удастся добиться пересмотра дела. Это единственное, что мы можем для них сделать.

Весь день Ехун провел в ямэне, то и дело впадая в оцепенение. Стоило вспомнить слова Жун Жо о «брате», как боль в груди вспыхивала с новой силой. К вечеру Чжао Чэнь вместе с ловцами подготовил новые протоколы допросов. Ехун представил их Лю Чэну. Тот долго листал бумаги, поглаживая козлиную бородку:

— Что ж, показаний свидетелей достаточно, чтобы подтвердить: трагедия в медицинской лавке семьи Гу — дело рук У Хуэйюнь и Фу Юдао. Пересмотреть дело можно, но нужны неопровержимые улики.

— Чтобы избежать кары, У Хуэйюнь заняла огромную сумму в подпольном банке и подкупила тогдашнего префекта. Если я найду долговую расписку, станет ли она решающим доказательством?

Лю Чэн просиял:

— Безусловно. Это будет козырь, который нечем крыть.

— Хорошо, я займусь этим.

Ехун поспешил к У Шуню. У входа в лавку уже теснились дюжие молодчики со свирепыми лицами:

— Хозяйка твоя подохла, а долг остался. Лавка и дом пойдут в счет уплаты!

У Шунь лишь утирал слезы, пока те выносили из лавки тюки с дорогим шелком: долг платежом красен, и он не смел возражать. В дверях показался Ехун:

— У Шунь.

— Ловец Чу, посмотрите, что творится... Эх...

Ехун не стал вмешиваться — люди были в своем праве. Долги У Хуэйюнь действительно перешли на ее имущество.

— У Шунь, остались ли расписки по займам из подпольного банка?

— Были, да только они...

Ехун обернулся к громилам:

— Братцы, хозяйка мертва, лавку забирайте, дело ваше. Но не дадите ли взглянуть на ее расписки?

Самый рослый из них, с густой бородой, смерил Ехуна взглядом и ответил на удивление вежливо:

— Господин ловец, бумаги у хозяина. Мы лишь на подхвате. Если нужны расписки — ступайте в банк Шести Рядов к господину Се Второму.

У Шунь отвел Ехуна в сторону:

— Банк Шести Рядов находится на Призрачном рынке. Се Дунцзюэ, Второй господин, там всему голова.

Ехун усмехнулся:

— Что ж, наведаюсь к нему сегодня ночью. Проводите меня, а то в Плетёном переулке темно, не ровен час — нечисть утащит, и пожаловаться будет некому.

Когда Ехун уже собирался уходить вслед за людьми из банка, его окликнули:

— Брат Чу!

Это был Жун Жо. Не найдя Ехуна в ямэне, он пришел сюда.

Сердце Ехуна снова болезненно екнуло:

— Ты почему здесь?

— Принес тебе поесть, а в ямэне сказали, что ты у У Шуня... Куда ты собрался, брат Чу?

Жун Жо с опаской покосился на угрюмых громил.

— Ступай домой, — мягко сказал Ехун. — Мне нужно на Призрачный рынок по делу.

Но Жун Жо крепко схватил его за руку:

— Я пойду с тобой.

— Тебе-то там что делать? Там сброд один, иди домой.

Тот не отступал:

— Я всякий сброд видал. Брат Чу, позволь мне пойти.

— Господин ловец, мы идем или как? — подал голос один из здоровяков. — Нам еще отчет сдавать, некогда смотреть, как вы тут с молодым супругом милуетесь.

— Ты! — Ехун вспыхнул до корней волос. — Идем уже.

Они вместе направились к Призрачному рынку. Вход в него скрывался в Плетёном переулке, на самом западе столицы. Место это пользовалось дурной славой. Поговаривали, когда-то здесь стоял дворец «Фуманьсян», где предавался разврату безумный император павшей династии. Когда враги ворвались в город, тот продолжал пировать, за что и лишился головы, а дворец сожгли дотла. Позже на пепелище возвели храм, но и он сгорел — шептались, что это месть неприкаянного духа императора. Потом здесь пытались устроить рынок, но вспыхнула чума. Так Плетённый переулок и превратился в прибежище для всякого отребья.

Едва они вступили под сень переулка, Ехун взял Жун Жо за руку: прохожие смотрели на юношу так, словно в волчью яму угодил беззащитный кролик.

Миновав Плетённый переулок, они начали спускаться по длинной тропе, вырубленной в скале. Факелы скудно освещали путь. Внизу, под обрывом, шумела невидимая подземная река — упадешь, и костей не соберут.

Сам Призрачный рынок встретил их морем огней. Здесь торговали всем на свете — от диковинных сокровищ до запретных товаров. Жун Жо с любопытством оглядывался по сторонам.

Банк Шести Рядов оказался самым величественным зданием на всем рынке. Здесь перед ним все расступались с почтением. Вокруг царила разруха, но банк сиял золотом.

— Сразу видно — люди не бедные, — усмехнулся Ехун.

У входа висели шесть досок. На левых значилось: «Сословиям служилым, крестьянским, ремесленным и купеческим — путь открыт», «Молодым и крепким — путь открыт», «Подданным империи — путь открыт».

На правых: «Заклад домов и лавок — возможен», «Заклад друзей и детей — возможен», «Заклад конечностей — возможен».

Ехун бегло прочитал надписи:

— «Шесть Рядов»... Стало быть, вот они какие. А кому же хода нет?

— Старикам и малым детям, чиновникам, чужеземцам. Жизнь в заклад не берем, хворых родственников и детей тоже. Никчемных вещей не принимаем, — ответил мужчина в белоснежном одеянии, вышедший им навстречу. В руках он держал веер из журавлиных перьев, а длинные волосы его были небрежно распущены. Говорил он негромко, то и дело бросая красноречивые взгляды на Жун Жо. Ехун тут же задвинул юношу себе за спину.

Он холодно оглядел незнакомца:

— Значит, есть шесть «можно» и шесть «нельзя»? Но почему чиновникам вход заказан?

Белоризец, которому на вид было чуть за двадцать, казался бы ученым-отшельником, если бы не болезненная бледность и слабый голос:

— Чиновники легко разоряются, старики и дети не в силах вернуть долг, чужеземцы могут сбежать. Нам нужна прибыль, а не чужие жизни. Вещей в мире много, но убыточных сделок мы не ведем.

Бородач, приведший Ехуна, почтительно поклонился:

— Третий господин, это знаменитый ловец из Шести врат, Чу Фэй. Ему нужна долговая расписка У Хуэйюнь. Господин Чу, перед вами наш Третий господин, Се Сихэ.

Ехун сложил руки в приветствии:

— Третий господин, примите мое почтение.

Се Сихэ лениво обмахнулся веером и тонко улыбнулся:

— Боюсь, с распиской я помочь не в силах. Проходите внутрь, Ловец Чу, потолкуйте с моим вторым братом.

Внутри банка располагался огромный и шумный игорный дом. В конце длинного стола сидел рослый мужчина, небрежно закинув на плечо старинное ружье. Ему было около тридцати, и он смотрел томно и пленительно, обещая немало бед.

— Редкий гость в нашей обители. Шесть врат пожаловали — какая честь для нашего скромного заведения, — негромко произнес Се Дунцзюэ, но его голос отчетливо прозвучал в наступившей тишине. Все разом посмотрели на Ехуна. Тот, привычный к подобному вниманию, лишь спокойно ответил:

— Второй господин, ваше влияние и впрямь впечатляет.

<http://bllate.org/book/17428/1690998>